

The image depicts a desolate, post-apocalyptic urban environment. A narrow street is flanked by multi-story buildings that are heavily damaged, with exposed brickwork, missing windows, and crumbling facades. The ground is covered in a thick layer of rubble, including broken bricks, twisted metal, and debris. In the distance, a massive, dark, industrial-looking structure, possibly a cooling tower or a remnant of a factory, rises into a cloudy sky. Numerous power lines and cables are strung across the street, some sagging. Two figures, seen from behind, are walking away from the viewer down the center of the street. They are wearing orange protective suits and carrying large backpacks, suggesting they are scavengers or survivors. The overall atmosphere is one of decay and abandonment.

Максим Орлов

Проект
GENESIS:
Первая Призма

Максим Орлов

Проект GENESIS:

Первая Призма

<https://litres.ru/74396313>

SelfPub; 2026

Аннотация

14 августа 2026 года установка «Призма-7» в Перми открыла дверь в иное измерение. Так родился Сбой. Сорок семь дней спустя город стал Зоной — территорией, где законы физики безжалостно переписаны голодной, чуждой реальностью. Журналистка Кира ищет в руинах брата, а инженер Алексей Демидов несет в себе страшную тайну катастрофы и артефакт, дающий призрак шанс на спасение — «Кристалл Лобачевского». За их спинами — кордон генерала Громова, бессильного перед пространством, отказывающимся подчиняться законам. Впереди — элитные наемники корпорации Vanguard, фанатики секты «Дети Призмы» и мутировавшие хищники, чьи лапы разрезают сам воздух. Зона расширяется. Время на исходе. Чтобы закрыть дверь между мирами, кому-то придется пожертвовать всем и стать её вечным стражем. «Проект GENESIS: Первая Призма» — это мрачный научно-фантастический триллер о цене прогресса, корпоративных заговорах и хрупкости человеческой реальности.

Содержание

ПРОЛОГ: ДЕНЬ НОЛЬ	4
ГЛАВА 1: СЕРОЕ УТРО	10
ГЛАВА 2: КОРДОН	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Орлов

Проект GENESIS:

Первая Призма

ПРОЛОГ: ДЕНЬ НОЛЬ

14 августа 2026 года, 03:17

Тяжелый августовский туман, ползущий с берегов Камы и обволакивающий бетонные корпуса закрытого научно-производственного кластера «Призма-7» липкой пеленой, пахнущей озоном и металлической пылью, создавал атмосферу неестественного безмолвия, нарушаемого лишь глухим урчанием трансформатора подстанции, доносящимся словно из другого измерения, поскольку даже цикады в прибрежных ивняках замолчали, предчувствуя беду, которую не могли осознать примитивные нервные системы насекомых.

Алексей Демидов, тридцатипятилетний инженер-метрист с впалыми щеками и темными кругами под глазами, выдававшими три недели бессонных смен, стоял у главной консоли контрольного зала, вцепившись дрожащими пальцами в холодный металл пульта; тело его начинало жить по собственным законам, игнорируя команды мозга и переходя в то странное состояние, когда усталость становится настолько

абсолютной, что стирает границу между реальностью и галлюцинацией.

Мониторы перед ним пульсировали мягким зеленым светом, отображая цифры метрической стабильности, которые неуклонно приближались к критическим значениям, однако Алексей видел не просто числа, а сложную многомерную структуру, не укладывающуюся ни в одну известную модель и заставляющую его сердце биться чаще — квантовые резонаторы, установленные в сердце комплекса, работали в штатном режиме, уралитовые изотопы, доставленные из закрытых шахт под Кыштымом, имели нужную чистоту, все параметры соответствовали расчетам, но пространство не стабилизировалось, отвечая на воздействие установки и организовываясь в формы, которые человеческий разум не был способен постичь.

— Метрическая стабильность — восемьдесят два процента, отклонение растет, — голос оператора Петрова прозвучал глухо, словно из-под воды, нарушая напряженное безмолвие зала, где двадцать человек в белых лабораторных халатах застыли перед терминалами, осознавая происходящее как нечто, выходящее за рамки любого эксперимента в истории науки.

Алексей кивнул, не поворачивая головы, его взгляд скользил по графикам, выхватывая детали, недоступные другим, поскольку колебания метрического поля не были хаотичными, в них проступала закономерность — сложная, многомер-

ная, похожая на фрактал, — напоминающая уравнения, которые они с коллегами выводили ночами, формулы, описывающие поведение пространства в экстремальных условиях, казавшиеся теперь примитивными, упрощенными, не способными описать то, что происходило в контрольном зале.

— Девяносто один процент отклонения, выходим за критические значения! — голос Петрова дрогнул, прорезавшись нотками паники, передавшей остальным вместе с резким, пронзительным воем сирены, разрезавшим безмолвие зала, красными лампами аварийного освещения, окрасившими лица присутствующих в цвет свежей крови, и гулом установки, превратившимся в вибрацию, от которой начинало тошнить, проникая в кости, в зубы, в самое основание черепа.

Научный руководитель Сорокин, мужчина в белом халате с седыми висками и усталым лицом, шагнул к консоли, требуя немедленной остановки по первому сценарию, однако Алексей не двигался, приковав взгляд к монитору, где цифры продолжали расти, достигая значений, теоретически означавших полный коллапс метрического поля, вместо которого происходило иное — пространство не разрушалось, трансформируясь и подстраиваясь под частоту квантовых осцилляторов, резонируя с чем-то, находившимся по ту сторону реальности.

— Товарищ Демидов, вы слышали приказ? — Сорокин положил руку ему на плечо, и в этом прикосновении Алек-

сей почувствовал страх — тот первобытный ужас, охватывающий человека перед лицом непознаваемого, — сам же он ощущал любопытство, смешанное с пониманием того, что «Призма» не создавала якорь реальности, не стабилизировала пространство, а открывала дверь, которую человечество не было готово открыть.

Сергей Морозов, тридцатилетний физик-теоретик с худым, аскетичным лицом и вечно растрепанными волосами, стоял у соседнего терминала, пальцы его застыли над клавиатурой, глаза были широко открыты, смотрели не на экран, а сквозь него, куда-то дальше, в невидимую глубину, и Алексей, посмотрев на него внимательнее, почувствовал, как по спине пробежал холод, увидев в глазах коллеги не страх, не панику, а то же любопытство, которое охватывало его самого, смешанное с торжеством, удовлетворением, пониманием того, что Сергей знает нечто, чего не знают остальные.

— Сто двадцать процентов, превышение критических значений, поле нестабильно! — голос Петрова сорвался на визг, руки метались над консолью, пытаясь нащупать кнопки аварийной остановки, однако Алексей видел данные, изменившие всё, понимая, что метрическое поле не просто вышло из-под контроля, достигло точки бифуркации — момента перехода системы в качественно новое состояние, — и остановка сейчас означала не отмену эксперимента, а разрыв, катастрофу, которую невозможно обратить вспять.

— Не трогай! — крикнул он, протягивая руку к аварий-

ному рубильнику — красной рукояти под прозрачным колпаком, обязанной мгновенно обесточить систему, — было поздно: Петров, движимый паникой, уже нажал кнопку, и мир взорвался без звука, без вспышки, только с ощущением, что реальность вокруг мгновенно вывернулась наизнанку, бетонные стены зала стали прозрачными, затем начали изгибаться, как резина, пол провалился вниз, одновременно вздымаясь вверх, а тело Алексея растягивалось в нескольких направлениях, кости становились жидкими, сознание рассыпалось на тысячи осколков.

Фиолетовый свет — неестественный, болезненный, исходящий отовсюду и ниоткуда — залил все пространство, проникая в кожу, в мышцы, в мысли; Алексей понял, что видит не свет, а само пространство: обнаженное, лишенное привычных измерений, существующее в формах, недоступных человеческому глазу, — формы, ставшие вдруг видимыми, осязаемыми, реальными.

Он падал, летел, стоял неподвижно, пока мир вращался вокруг него, теряя ощущение времени, пространства, собственного тела, однако сквозь пелену фиолетового сияния увидел лицо Сергея, стоявшего в центре зала абсолютно неподвижно, словно хаос вокруг него не существовал, волосы его развевались, хотя ветра не было, глаза горели тем же болезненно-фиолетовым светом, что и все вокруг.

Сергей улыбался — не улыбкой безумца, не гримасой ужаса, а улыбкой торжества, тихой, спокойной, исполненной

глубокого удовлетворения, улыбкой человека, наконец-то увидевшего то, что искал всю жизнь, и Алексей, глядя на него сквозь пелену искаженной реальности, понял: коллега знал всё, этот Сбой был не ошибкой, не случайностью, а исполнением плана, разрабатывавшегося годами, готовившегося десятилетиями, воплощавшегося в жизнь, превращая Пермь, Россию, весь мир в нечто новое, голодное, не останавливающееся, пока не поглотит всё.

Фиолетовый свет сгустился, стал непроглядным, и мир Перми, мир России, мир привычной реальности перестал существовать, уступая место чему-то иному, чуждому, пришедшему из-за границы возможного, чтобы остаться навсегда.

ГЛАВА 1: СЕРОЕ УТРО

47-й день после Сбоя

Холодный сентябрьский ветер, пришедший с берегов Камы, гнал по разрушенным улицам Кировского района клубки серого тумана, цеплявшегося за обломки бетонных многоэтажек, словно пытавшихся удержать остатки прежней жизни; Зона пожирала эту жизнь каждый день, расширяя свои границы на сотни метров, превращая знакомые переулки в лабиринты искаженной реальности, где гравитация работала с перебоями, а время текло рывками, то ускоряясь до немыслимой скорости, то замирая в вязкой, почти осязаемой неподвижности.

Кира Соколова, двадцативосьмилетняя журналистка-расследователь из Москвы, пробиралась через завалы на углу улицы Ленина и Куйбышева, прижимая к груди потертый кожаный рюкзак, в котором лежали диктофон, блокнот с записями, три банки тушенки, пол-литра воды и старый револьвер «Наган», принадлежавший когда-то её деду, прошедшему через Чечню, чья память о войне передавалась в семье из поколения в поколение вместе с этим оружием и тремя десятками патронов, хранившихся теперь не для защиты, а для последнего, крайнего случая, когда смерть становилась неизбежной, а желание умирать медленно, превращаясь в Эхо-зомби, пересиливало страх перед пулей.

Её темные волосы, собранные в тугой хвост, выбивались из-под серой вязаной шапки, на бледном лице с высокими скулами и упрямым подбородком выделялись темные круги под глазами, свидетельствовавшие о бессонных ночах, проведенных в подвалах и заброшенных зданиях, о постоянном напряжении, о страхе, который не отпускал ни на минуту, даже когда казалось, что опасность миновала, поскольку Зона училась, адаптировалась, меняла свои правила каждые несколько дней, заставляя сталкеров переписывать карты безопасных маршрутов, выбрасывать на свалку вчерашние знания, начинать всё сначала.

Она шла осторожно, ступая по асфальту, покрытому тонким слоем «металлического мха» — техно-органической плесени, пожравшей арматуру и бетон, превратившей мостовую в губчатую, пружинящую массу, издававшую при каждом шаге тихий хруст, похожий на звук ломающихся костей, поскольку этот мох был живым, он питался металлом, рос, распространялся, и сталкеры давно поняли, что лучше обходить его стороной, иначе через несколько дней обувь начнет ржаветь, а через неделю — ржавчина доберется до кожи.

Дмитрий.

Имя брата вспыхнуло в сознании неожиданно, как осколок стекла в ране — Дмитрий, старше её на шесть лет, офицер охраны «Призмы-7», высокий, широкоплечий, с той особенностью военной выправкой, которая остается у человека даже в штатском; он всегда улыбался уголками губ, словно знал

какую-то шутку, которую не мог рассказать, его серые глаза, такие же, как у неё, смотрели на мир с теплотой, смешанной с легкой иронией.

Она помнила, как он провожал её на вокзале в тот последний раз, как сунул ей в карман пачку денег, как сказал: «Береги себя, сестренка, в Москве сейчас неспокойно», — она тогда не знала, что через три дня Москва станет еще более неспокойной, что через неделю весь мир изменится, что через сорок семь дней она будет стоять здесь, в разрушенной Перми, искать его среди руин, среди аномалий, среди существ, которые когда-то были людьми.

Она не знала, жив он или мертв, превратился ли в Эхо-зомби, был ли поглощен одной из аномалий, или, что хуже всего, присоединился к «Детям Призмы», той религиозной секте, что считала Зону божественным откровением, приносящей жертвы искаженному пространству, молящейся фиолетовому свету, исходящему из ядра.

Ветер усилился, принес с собой не запах озона, а тяжелую, влажную вонь подвальной плесени, смешанную с чем-то сладковатым, похожим на гниющие фрукты — тот самый «предвестник», который сталкеры называли дыханием Зоны, поскольку он означал начало «Проявления» — момента, когда пространство демонстрировало свою истинную сущность, полностью игнорируя привычные законы физики, когда небо раскалывалось геометрическими трещинами, гравитация меняла направление, дождь превращался в стеклян-

ные сферы, а время начинало течь в нескольких направлениях одновременно.

Кира ускорила шаг, её сердце забилося чаще, пальцы судорожно сжали ремень рюкзака, она оглядывалась, ища укрытие, поскольку пережить «Проявление» на открытой улице означало смерть или безумие; её взгляд скользил по разрушенным фасадам, по выбитым окнам, по обломкам машин, и наконец остановился на темном провале подвала бывшего универсама «Семья», чья вывеска, покосившаяся, ржавая, все ещё висела над входом, словно насмехаясь над прежней жизнью, над обещаниями изобилия, над иллюзией стабильности.

Она прыгнула в проём, приземлившись на влажный бетон, покрытый слоем слизи, почувствовала, как холод проник сквозь подошвы ботинок, как запах сырости ударил в нос, её глаза привыкли к полумраку, и она увидела фигуру, прижавшуюся спиной к дальней стене, — человека в потёртых перчатках, с усталым лицом, с тёмными кругами под глазами, такими же, как у неё, человека, который держал в руках самодельный детектор аномалий, собранный из деталей старого советского приёмника, чья ламповая схема, в отличие от цифровых аналогов, не сбивалась метрическими помехами, а резонировала с ними, тихо попискивая, фиксируя рост метрического давления.

Алексей Демидов поднял на неё взгляд, его пальцы судорожно сжали рукоять детектора, он не узнал её сразу, по-

сколько видел Киру последний раз сорок семь дней назад, в контрольном зале «Призмы», когда она приходила к брату, приносила кофе, смеялась, шутила, была живой, настоящей, частью того мира, который перестал существовать; теперь перед ним стояла другая женщина, исхудавшая, с обветренным лицом, с глазами, в которых читались усталость, страх, решимость, — глаза человека, который прошёл через ад и продолжал идти, не зная, что ждёт впереди.

— Кто ты? — его голос прозвучал хрипло, поскольку он не говорил вслух несколько дней, общаясь только с самим собой, с воспоминаниями, с виной, которая грызла его изнутри, поскольку он знал, что произошло в тот день, он видел улыбку Сергея, он понял, что Сбой был не ошибкой, а исполнением плана, однако не смог предотвратить катастрофу, не смог остановить Петрова, не смог спасти коллег, не смог сделать ничего, кроме того, чтобы выжить, что теперь казалось ему преступлением.

— Кира Соколова, — ответила она, её голос был твёрдым, хотя руки дрожали, поскольку она видела, что этот человек напуган не аномалиями, не мутантами, не «Проявлением», а чем-то иным, чем-то, что жило внутри него, что не давало ему спать, что превращало его в тень, в призрак, в человека, который существовал, но не жил. — Я ищу брата. Дмитрия Соколова. Он служил в охране «Призмы».

Алексей замер, его глаза расширились, поскольку имя это он слышал сорок семь дней назад, когда Дмитрий дежурил у

входа в контрольный зал, когда он смотрел на Киру с теплотой, когда он сказал: «Береги сестрёнку», и теперь, глядя на неё, он понимал, что судьба свела их не случайно, что Зона, эта голодная, чуждая реальность, привела её сюда, к нему, к человеку, который знал правду, который нёс в себе эту правду, как раскалённый уголь, сжигавший его изнутри.

— Твой брат... — произнёс он медленно, взвешивая каждое слово, поскольку понимал, что то, что он скажет, изменит всё, что она знала, что надеялась, что боялась узнать, — он был там, в зале, в тот день... он видел Сергея... он видел, как всё началось...

Алексей сжал детектор так, что костяшки побелели, глядя не на Киру, а сквозь неё, туда, где пульсировал фиолетовый свет.

— Он, возможно, жив... поскольку Зона не просто убивает, она сохраняет... она превращает людей в нечто иное... в Эхо-зомби, в «просветлённых», в тех, кто служит «Детям Призмы»... в тех, кто помнит, кто чувствует, кто существует на границе между мирами.

Кира почувствовала, как колени подогнулись, она опустилась на влажный бетон, прижав ладони к лицу, поскольку надежда, которую она несла в себе сорок семь дней, надежда найти брата живым, невредимым, вернуть его домой, столкнулась с реальностью, в которой «живой» означало нечто иное, нечто чуждое, нечто, что не было ни жизнью, ни смертью, а существовало в промежуточном состоянии, в той се-

рой зоне, где законы физики не работали, где время текло рывками, где люди превращались в тени.

Внезапно воздух дрогнул, свет фонарей, пробивавшийся сквозь щели в потолке, мигнул и погас, гравитация на секунду изменила вектор, Кира почувствовала, как желудок подскочил к горлу, как пыль с потолка взмыла вверх, образуя причудливые спирали, как стены подвала начали изгибаться, словно резиновые, как бетон под ногами стал мягким, пружинящим, поскольку «Проявление» началось, Зона демонстрировала свою истинную сущность, полностью игнорируя привычные законы физики, превращая подвал в ловушку, из которой не было выхода.

Алексей схватил Киру за руку, потащил её вглубь подвала, туда, где стены были толще, где аномалии проявлялись слабее, где можно было переждать этот момент, эту вспышку безумия реальности, которая накрывала Зону каждые несколько дней, стирая границы между возможным и невозможным, между живым и мёртвым, между тем, что было, и тем, что будет.

Они прижались к холодной стене, слушая, как снаружи воеет ветер, как трещит бетон, как что-то большое и тяжёлое двигается по мокрой асфальтовой дороге, чьи шаги были неровными, многосуставчатыми, чей скрежет напоминал звук ломающегося металла, поскольку «Шорох», техно-органический мутант, почуял их, ориентируясь на вибрации почвы, на биение их сердец, на страх, который они не могли

скрыть, который выдавал их с головой.

Кира посмотрела на Алексея, её глаза в полумраке казались огромными, тёмными, полными вопросов, на которые он не хотел отвечать, поскольку ответы эти были слишком страшны, слишком тяжёлы, слишком опасны, чтобы произносить их вслух, поскольку слова в Зоне имели вес, материализовались, превращались в реальность, и то, что было сказано, становилось неизбежным.

— Что ты знаешь? — прошептала она, её голос дрожал, поскольку она видела, что этот человек, этот бывший инженер «Призмы», этот Алексей Демидов, носит в себе тайну, которая может стоить ему жизни, которая может стоить жизни ей, которая может изменить всё, что они знали о Сбое, о Зоне, о мире, который перестал существовать сорок семь дней назад.

Алексей не ответил сразу, он слушал скрежет «Шороха», чувствовал, как метрическое давление растёт, как пространство вокруг сгущается, становится вязким, как его пальцы сжимают детектор аномалий, чей прибор пищит всё громче, всё настойчивее, поскольку «Проявление» достигало пика, и он понимал, что должен рассказать ей правду, всю правду, даже если эта правда убьёт её, даже если она не сможет жить с этим знанием, даже если оно превратит её в такую же тень, как он сам.

— Я знаю... — произнёс он наконец, его голос был тихим, почти неслышным, однако в нём звучала такая тяжесть, та-

кая боль, такая вина, что Кира почувствовала, как по спине пробежал холод, — Сбой... не ошибка. Сергей Морозов, мой коллега... он саботировал установку.

Алексей сжал детектор так, что костяшки побелели, глядя не на Киру, а сквозь неё, туда, где пульсировал фиолетовый свет.

— Он открыл дверь... в другое измерение. Зона — не аномалия... это место, где две реальности... накладываются друг на друга.

Кира закрыла глаза, её пальцы сжались в кулаки, она чувствовала, как мир вокруг неё рушится, как надежда, которую она несла сорок семь дней, превращается в нечто иное, в знание, в понимание, в принятие, поскольку она была журналисткой, она искала правду, она нашла её, и эта правда была страшнее всего, чего она могла бояться, однако она не могла остановиться, не могла вернуться, не могла бросить брата, не могла бросить этого человека, который нёс в себе такую тяжесть, который знал правду, который был готов вести её внутрь, к ядру, к «Призме», к Сергею, к тому, что ждало их впереди.

— Твой брат... возможно, жив... — голос Алексея дрогнул, — однако не такой, каким ты его помнишь. Мы все — пленники этого места... выхода отсюда нет... есть только путь внутрь. К ядру. К «Призме». К Сергею, который стал мостом между мирами... который удерживает дверь открытой... который не может закрыть её, поскольку сам стал частью этого

механизма.

— Веди меня, — произнесла она, её голос был твёрдым, хотя руки дрожали, поскольку она понимала, что приняла решение, от которого нет возврата, что она идёт не за братом, не за правдой, не за спасением, а за чем-то иным, за чем-то, что жило внутри неё, что не давало ей покоя, что превращало её в человека, который не мог остановиться, который должен был идти до конца, даже если этот конец означал смерть.

Алексей посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, на понимание, на признание, поскольку он видел в этой женщине то же, что было в нём самом, ту же упрямую решимость, ту же неспособность сдаться, ту же жажду дойти до конца, даже если этот конец был неизбежен, даже если он означал гибель, поскольку Зона не отпускала тех, кто входил в неё, она меняла их, превращала в нечто иное, в тени, в призраки, в людей, которые существовали на границе между мирами, которые не были ни живыми, ни мёртвыми, которые просто были.

Снаружи скрежет «Шороха» стих, поскольку мутант ушёл, потерял их след, ушёл в другую часть разрушенного района, ища новую добычу, однако «Проявление» продолжалось, воздух дрожал, гравитация менялась, стены подвала изгибались, и они сидели в полумраке, прижавшись друг к другу, два человека, два призрака, две тени, которые ждали, когда Зона успокоится, когда реальность вернётся в привычное русло, когда можно будет идти дальше, внутрь, к ядру, к

«Призме», к тому, что ждало их впереди.

ГЛАВА 2: КОРДОН

47-й день после Сбоя, 06:14

Холодный сентябрьский рассвет над мостом через Каму у села Ферма пробивался сквозь свинцовые тучи тусклыми, болезненно-серыми лучами, которые не согревали, а лишь подчеркивали унылое однообразие бетонных блоков и противотанковых ежей, выстроившихся вдоль единственной уцелевшей переправы; переправа эта превратилась за последние сорок семь дней в главный рубеж обороны страны от того, что происходило по ту сторону реки, где Пермь перестала быть городом и стала чем-то иным, чем-то, что военные в своих сводках называли «объектом метрической аномалии», а солдаты в курилках — просто Зоной, коротким, емким словом, за которым скрывался первобытный ужас перед непознаваемым.

Генерал-лейтенант Александр Громов, пятидесяти шестилетний офицер с тридцатилетним стажем службы, прошедший через две чеченские кампании, сирийскую операцию и множество других горячих точек, о которых не принято говорить вслух, стоял на наблюдательном пункте, установленном на втором этаже разрушенной школы, чьи стены были укреплены мешками с песком и стальными листами, снятыми с ближайшей фермы; его тяжелая фигура в полевом камуфляже без знаков различия, с глубокими морщина-

ми вокруг серых, выцветших глаз и коротко стриженными седыми волосами, производила впечатление человека, который слишком много видел и слишком мало удивлялся, однако даже его закаленное десятилетиями службы сознание не было готово к тому, что происходило сейчас, к тому, как привычная реальность рассыпалась на осколки, подменяясь чем-то чуждым, враждебным, непостижимым.

Он смотрел в бинокль на противоположный берег Камы, где в утреннем тумане проступали силуэты многоэтажек Кировского района, изогнутые, словно отраженные в кривом зеркале, их бетонные фасады покрыты тем самым «металлическим мхом», который пожирал арматуру и превращал здания в живые, дышащие организмы, пульсирующие в такт чему-то невидимому, исходящему из центра Зоны, где возвышался черный монолит «Призмы», чье фиолетовое свечение было видно даже сквозь плотную пелену тумана, словно гигантское больное сердце, откачивающее жизнь из всего, что находилось в радиусе пятидесяти километров.

— Товарищ генерал, ночной доклад, — голос майора Васильева, начальника штаба опорного пункта «Рубеж-1», прозвучал за спиной Громова, и в этом голосе читалось напряжение, которое передавалось всему личному составу, поскольку за последние трое суток количество обращений в медсанчасть с жалобами на «метрическую болезнь» выросло в четыре раза, превращая боеспособное подразделение в группу людей, балансирующих на грани безумия.

Громов не отрывал взгляда от бинокля, его пальцы в тонких кожаных перчатках медленно регулировали фокус, выхватывая из тумана детали, которые невооруженным глазом были неразличимы, — покосившиеся фонарные столбы, обломки машин на дороге, ведущей к центру города, странные геометрические узоры на асфальте, которые, как докладывали разведчики, появлялись после каждого «Проявления» и меняли свою конфигурацию, словно кто-то невидимый играл с пространством, как ребенок играет с кубиками.

— Говори, — произнес он наконец, опуская бинокль, и в этом коротком слове звучала усталость человека, который не спал трое суток, который понимал, что позиция, которую он держит, может рухнуть в любой момент, не от вражеского обстрела, не от штурма, а от самого пространства, которое перестало подчиняться законам, изученным человечеством за тысячи лет.

Васильев, тридцатидвухлетний офицер с худым, нервным лицом и постоянно бегающими глазами, развернул планшет, его пальцы дрожали, когда он листал сводки, поскольку цифры, которые он должен был озвучить, не укладывались в голове, не соответствовали никакому опыту, никакой логике, никакой военной науке.

— За последние двенадцать часов... — Васильев запнулся, сглотнул, его кадык дернулся, — четырнадцать случаев метрической болезни. Трое госпитализированы в тяжелом состоянии. Один, рядовой Козлов из второй роты, исчез но-

чью во время смены караула. Поисковая группа обнаружила его в трехстах метрах от позиции...

Громов, знавший этого офицера пять лет, видевший его в боях на Донбассе, где тот тащил на себе раненого командира под шквальным огнем, впервые услышал в его голосе настоящий, неподдельный страх.

— Однако что, майор? — Громов повернулся к нему, его серые глаза, холодные, оценивающие, встретились с бегающим взглядом Васильева, и в этом взгляде генерал прочитал то, что не было написано в сводках, то, о чем докладывали шепотом, в курилках, в медсанчасти, то, что солдаты боялись произносить вслух, опасаясь, что слова материализуются, превратятся в реальность.

— Рядовой Козлов... он изменился, товарищ генерал, — Васильев сглотнул снова, его пальцы сжали планшет так, что костяшки побелели, — он стоит, он дышит, однако не реагирует на команды, на оклики, на прикосновения. Его тело... оно стало плоским, товарищ генерал, словно его сжали в двух измерениях.

Васильев сделал паузу, переводя дыхание, прежде чем продолжить.

— Он отбрасывает тень, однако сама тень выглядит объемной, трехмерной, а он сам — нет. Медики не могут взять кровь, игла проходит сквозь кожу, не встречая сопротивления, словно под кожей нет ничего, нет мышц, нет костей, нет крови.

Громов закрыл глаза на мгновение, его челюсть сжалась так, что желваки заиграли под кожей, он видел таких — в сводках из Перми, в докладах разведки, в видео, присланных дронами, которые сами возвращались искаженными, с записями, на которых время текло в обратную сторону, — он знал, что это такое, он читал донесения ученых из закрытых НИИ, которые называли это «полным метрическим распадом личности», третьей стадией зомбирования, когда человек терял привязку к трехмерному миру, становился плоской тенью, пытающейся «сложить» живых в свои искаженные геометрические узоры, однако видеть это своими глазами, знать, что один из его солдат, вверенных ему людей, превратился в это... это было иное.

— Где он сейчас? — голос Громова прозвучал ровно, без эмоций, поскольку тридцать лет службы научили его отделять чувства от решений, поскольку эмоции на войне стоили жизни, однако внутри него что-то сжалось, что-то, что он не мог назвать, что-то, что напоминало вину, ответственность, бессилие.

— В изоляторе медсанчасти, товарищ генерал, под охраной, однако солдаты отказываются туда заходить, — Васильев опустил взгляд, — они говорят, что он... что он смотрит на них, хотя у него нет глаз в привычном понимании, что он улыбается, хотя у него нет рта в привычном понимании, что он зовет их, хотя он не произносит звуков.

Громов кивнул медленно, его взгляд снова обратился к

противоположному берегу, к фиолетовому свечению «Призмы», пульсирующему в такт его собственному сердцу, словно установка знала о нем, чувствовала его, выбирала его следующей жертвой, и он понимал, что кордон, который он держит, — это не линия обороны, это иллюзия, что бетонные блоки и противотанковые ежи не остановят то, что не имеет физической формы, что солдаты с автоматами бессильны против пространства, которое перестало быть пространством.

— Усилить охрану изолятора, — произнес он наконец, — никого не впускать, никого не выпускать, если он попытается... измениться дальше, если он начнет воздействовать на окружающих — ликвидировать, это приказ.

Васильев кивнул, его лицо побледнело, однако он не стал спорить, не стал возражать, поскольку понимал, что генерал прав, что другого выхода нет, что они имеют дело не с врагом, которого можно уничтожить, а с явлением, которое можно лишь сдержать, и то временно.

Громов снова поднял бинокль, его взгляд скользил по позициям, по солдатам в тяжелых экзоскелетах «Барс», которые делали их похожими на роботов из фантастических фильмов, однако даже эта броня не защищала от метрической болезни, не защищала от галлюцинаций, от потери ориентации во времени, когда солдат мог стоять на посту час, а по ощущениям проходила минута, или наоборот, когда он мог забыть, какой сейчас год, какое время суток, кто он та-

кой.

Он видел, как один из солдат, стоявший на дальнем посту, вдруг опустился на колени, схватился за голову, начал биться о бетонный блок, и двое сослуживцев бросились к нему, повалили на землю, связали, поскольку это был стандартный протокол при приступе метрической болезни, однако Громов видел, как часто эти приступы заканчивались тем же, чем закончился приступ рядового Козлова, — полным распадом, превращением в нечто, что не было ни живым, ни мертвым.

Ветер усилился, принесся с противоположного берега не запах озона, а тяжелую, влажную вонь сырого бетона, смешанную с чем-то металлическим, похожим на горелую проводку, — тот самый «предвестник», о котором писали в доносениях сталкеров, и Громов почувствовал, как заложило уши, как в висках застучала тяжелая, ритмичная боль, как воздух вокруг начал дрожать, становиться вязким, поскольку начиналось очередное «Проявление», очередной импульс Зоны, который отбрасывал границу санитарного кордона еще на сотню метров, поглощая очередные кварталы, очередные жизни, очередные надежды.

— Всем постам, повышенная готовность, — его голос прозвучал в рации, ровный, спокойный, однако внутри него все сжалось, поскольку он знал, что «Проявление» — это не просто природное явление, это демонстрация силы, напоминание о том, кто здесь хозяин, о том, что люди — лишь го-

сти, незванные, нежеланные, терпимые лишь до тех пор, пока Зона не решит иначе.

Небо над Кировским районом начало меняться, свинцовые тучи расступились, открывая вид на ядро «Призмы», которое пульсировало теперь не фиолетовым, а кроваво-красным светом, и Громов, видевший многое за свою службу, почувствовал, как по спине пробежал холод, поскольку красный свет означал не просто импульс, означал не просто расширение, означал нечто иное, нечто, о чем ученые предупреждали в своих докладах, однако никто не верил, никто не мог поверить, что Зона может быть разумной, что она может учиться, адаптироваться, планировать.

Асфальт под ногами начал плавиться, превращаясь в черную, вязкую массу, которая тянулась к сапогам Громова, словно живая, и он отступил на шаг, его рука легла на рукоять пистолета, хотя он понимал, что пули бессильны против этого, против пространства, которое отказывалось быть пространством, против реальности, которая переписывала сама себя.

В этот момент к наблюдательному пункту подошел человек в безупречном темном костюме, который выглядел чужеродно среди военных в камуфляже, среди бетонных блоков и мешков с песком, его лицо было гладким, без морщин, глаза холодными, оценивающими, и Громов, не глядя на него, понял, кто это, поскольку знал, что корпорации не дремлют, что они уже здесь, что они пытаются получить то, что воен-

ные пытаются сдержать.

— Генерал Громов? — голос человека прозвучал ровно, без акцента, однако в нем звучала та особая интонация, которая отличала людей, привыкших отдавать приказы, а не выполнять их, людей, для которых война — это бизнес, а не долг.

— Представитель Ростеха, — произнес Громов, не поворачивая головы, его взгляд был прикован к противоположному берегу, где красное свечение «Призмы» усиливалось, где пространство изгибалось, где начиналось нечто, чему он не мог дать названия, — я узнаю вас по тому, как вы стоите, по тому, как вы смотрите на моих солдат, как на ресурсы, как на активы, как на нечто, что можно купить, продать, использовать.

Человек в костюме слегка улыбнулся, однако улыбка эта не достигла его глаз, оставшихся холодными, расчетливыми.

— Александр Иванович, я здесь не для того, чтобы оценивать ваших солдат, — человек достал из портфеля прозрачный контейнер, внутри которого лежал кристалл неправильной формы, переливающийся всеми цветами спектра одновременно, — я здесь, чтобы предложить решение. Зона — не враг, которого можно уничтожить. Это ресурс. Возможность, которую нельзя упускать.

Громов медленно повернулся к нему, его серые глаза встретились с холодным взглядом представителя корпорации, и в этом взгляде генерала читалось презрение, уста-

лость, понимание того, что мир изменился, что люди, которые сидели в московских офисах, которые считали прибыли и убытки, которые видели в Зоне лишь источник дохода, не понимали, что они имеют дело с чем-то, что не подчиняется законам экономики, с чем-то, что не может быть куплено, продано, контролировано.

— Решение? — голос Громова прозвучал тихо, однако в этой тишине звучала такая угроза, что человек в костюме невольно отступил на шаг, — ваше решение — это отправить моих солдат на смерть ради ваших артефактов, ради ваших экспериментов, ради ваших прибылей, ваше решение — это превратить Зону в полигон, в источник дохода, в нечто, что можно эксплуатировать, однако Зона не терпит эксплуатации, Зона отвечает, Зона мстит.

— Генерал, вы мыслите категориями прошлого, — человек в костюме протянул контейнер, — это «Кристалл Лобачевского», добытый нашими агентами вчера в периметре Зоны. Один грамм содержит энергии больше, чем вся Пермская ГРЭС. Это будущее, генерал. Будущее, которое вы пытаетесь остановить, однако будущее нельзя остановить, его можно лишь возглавить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.